

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ («Хозяйка» и другие произведения)

Го КОСИНО
(Университет Хоккайдо)

[*Key words*: Dostoevsky, hypnotism, medical history,
mesmerism, animal magnetism]

1

О достоверности описания человеческой психики в произведениях Достоевского уже много сказано. В частности, существует огромное количество работ с психоаналитическим подходом, включая статью самого З. Фрейда. Однако немногие обращают внимание на интерес писателя к современной ему психиатрии. Это вполне естественно, но дело в том, что Фрейд знал творчество Достоевского, а Достоевский не знал Фрейда. Он был знаком с работами по психиатрии, которые были написаны задолго до Фрейда. Понятие подсознания развивали немецкие натурфилософы в русле романтизма. На основе достижений современной медицины Достоевский описывает человеческое подсознание сознательно.

В этом отношении очень важное значение имеет история гипнотизма XIX века, основателем которого был Ф. А. Месмер (1734-1815).¹ В начале гипнотизм называли «месмеризмом», «животным магнетизмом» или просто «магнетизмом», потому что создатель теории Месмер приписывал гипноз действию невидимой жидкости, напоминающему магнитную силу. Шотландский врач Д. Брэд, в 1843 году предпочитая действие внушения и намека недостоверному флюиду, выдвинул новый термин «гипнотизм». Но этот неологизм входил в общее употребление только постепенно, и в лексике Достоевского не встре-

Гь КОСИНО

чается.

Мы можем предполагать наличие двух источников, из которого писатель получал сведения о месмеризме: художественная и медицинская литература, в особенности, литература эпохи романтизма.

В литературных произведениях, в которых упоминается магнетизм, обращают на себя внимание два мотива: магнетическая сила взгляда, которая привлекает и подчиняет людей, и подсознательный внутренний мир человека, обнаруживаемый в состоянии гипнотического сна. Один из персонажей бестселлера того времени, романа «Черная женщина» Н. Греча, убежденный месмерист Алимари убеждает героя романа князя Кемского в истинности магнетизма. В романе об Алимари даже говорят, что однажды он чуть не вызвал на дуэль французских академиков, «доказывавших лживость и нелепость учения Месмерова». По его мнению «можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. (...) для этого должно только смотреть на человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно».² И князь Кемский действительно своим взором принудил свою любимую Наташу оглянуться в театре.

В отличие от Алимари демонический персонаж Вашиадан в повести «Кто же он» Н. Мельгунова злоупотребляет гипнотическим действием своего взгляда. Введя «огненными взорами» всю семью в оцепенение, он похитил героиню Глафиру.

После того страшный Вашиадан (он был точно страшен в эту минуту) приблизился к постели, на коей лежала больная. Глаза его засверкали тогда необыкновенным светом. Больная привстала, но молча и почти без жизни, потом сошла с постели, ступила на пол, пошатнулась... новый взгляд Вашиадана как будто оживил ее: она оправилась, стала твердо на ноги и тихими шагами пошла за своим вожатым.³

Если галлюцинации под гипнозом в фантастической литературе XIX века часто объяснялись ясновидением и пророчеством, то в таинственной повести «Космораме» В. Одоевского они объясняются скры-

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

тым внутренним миром человека или другим «я». Двойник одного персонажа в состоянии галлюцинации сказал: «Не верь ему, (...) или, лучше сказать, не верь мне в твоём мире. Там я сам не знаю, что делаю, но здесь я понимаю мои поступки, которые в вашем мире представляются в виде невольных побуждений».⁴ Слово «там» означает реальный мир, а «здесь» — другой мир в видении, который напоминает, с одной стороны, платонический идеальный мир, а с другой стороны, подсознание человека. Интересно также отметить, что и герой «Косморамы» Владимир, и князь Кемский в «Чёрной женщине», скитающиеся между иллюзией и действительностью, сознанием и подсознанием, имеют сходство с Ординовым из «Хозяйки» и князем Мышкиным из «Идиота».

Кроме русских писателей на творчество Достоевского оказали влияние такие писатели, как Бальзак, Э. Т. А. Гофман и Э. А. По, так же глубоко интересовавшиеся месмеризмом. В частности, Бальзак сам верил в магическую силу своего взгляда, а в его произведениях часто появляются персонажи с магнетическим взглядом. Встречается слово «магнетизм» и в романе «Евгения Гранде», переведённом Достоевским на русский язык.

Есть какой-то магнетизм сочувствия в нежной внимательности молодой девушки. — Шарль не мог не заметить, не мог устоять против ласкового, милого внимания своей кузины, и бросил на нее взгляд, блистающий нежным, неизъяснимым чувством. Он заметил тогда всю прелесть и гармонию лица ее, невинность приемов, магнетический блеск ее взора, сияющего юной любовью и неведомым желанием.⁵

Признак нервной болезни, возможно, эпилепсии у самого Достоевского появляется уже до ссылки в Сибирь, однако юный писатель считал его «кондрашкой», то есть апоплексией, и опасался за свое здоровье иногда ипохондрически. После страшного припадка 1846-го года он часто писал в письмах, что нельзя употреблять такую нездоровую пищу, как говядину, грибы и кофе. По воспоминаниям тогдашнего лечащего врача Яновского, Достоевский много читал современ-

Го КОСИНО

ную медицинскую литературу.

Кроме сочинений беллетристических, Федор Михайлович часто брал у меня книги медицинские, особенно те, в которых трактовалось о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и о развитии черепа по старой, но в то время бывшей в ходу системе Галла.⁶

Медики романтической школы, особенно немецкие, много писали о сновидениях, подсознании и животном магнетизме; в связи с творчеством Достоевского чаще всего упоминается имя К. Г. Каруса.⁷ Так, в Семипалатинске Достоевский и его друг Врангель планировали перевод главного труда Каруса «Psyche» (1846) на русский язык.⁸

Карус предполагал, что между людьми существует подсознательное магнетическое взаимодействие. Существа, близкие к природе, у которых подсознание доминирует (например, дети и женщины), подвергается сильному влиянию магнетизма. Г. Гибиан считает магнетической некоторую роковую связь персонажей Достоевского.

A particularly close “magnetic” relationship exists between the various pairs of doubles and *alter egos*, Raskolnikov and Svidrigailov, Myshkin and Rogozhin, and others, who have especially easy communication through their affinity. Myshkin and Alesha (and all children and many women) are persons who live to an unusually great extent in dependence on the unconscious and therefore are very strongly susceptible to foreboding and magnetism of all kinds.⁹

К категории гипнотизируемого типа человека можно также причислить Ордынова из «Хозяйки», Алешу Валковского из «Униженных и оскорбленных» и многих других персонажей.

2

В ранней прозе Достоевского «Хозяйка» больше всего напоминает фантастическую литературу в духе романтизма. В основе сюжета ле-

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

жит история психологической борьбы между тремя персонажами: Ордыновым, Катериной и Муриным. В их сложных взаимоотношениях очень важную роль играет образ «глаза». Слова «глаза», «очи», «взгляд», «взор», «смотреть», «глядеть» и т. д., встречаются в «Хозяйке» на любой странице.¹⁰ Очевидно, что функция образа «глаза» в повести основывается на теории магнетизма. Катерина подчиняется власти Мурина, как будто загипнотизированная. Ордынов влюбляется в нее с первого взгляда и старается освободить плененную красавицу.

В описании внешности персонажей резко выделяются глаза Мурина. Обратимся к сцене, где Ордынов впервые встречается с Муриным и Катериной в церкви.

Старик был высокого роста, еще прямой и бодрый, но худой и болезненно бледный. С вида его можно было принять за заезжего откуда-нибудь издалека купца. На нем был длинный, черный, очевидно праздничный, кафтан на меху, надетый нараспашку. Из-под кафтана виднелась какая-то другая длиннополая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана ярким красным платком; в руках меховая шапка. Длинная, тонкая, полуседеая борода падала ему на грудь, и из-под нависших, хмурых бровей сверкал взгляд огневой, лихорадочно воспаленный, надменный и долгий (1, 267-268).¹¹

Прежде всего мы читаем подробное описание купеческого костюма старика, но большее впечатление производит «взгляд», описываемый четырьмя прилагательными. Далее изображение любого жеста и чувства Мурина всегда сопровождается движением глаз. Катерина же в этой сцене идет, «потупив глаза», что еще больше усиливает впечатление силы взора Мурина. В описании его глаз и взгляда часто используются такие прилагательные, как «желчный», «насмешливый», «злобный» и «презрительный», а также глаголы «сверкать», «гореть» и т. д.

Сила взгляда Мурина может проявляться физическим образом. На обратном пути после посещения церкви Ордынов следил за странной

Го КОСИНО

парой, но «вдруг старик оборотился и с нетерпением взглянул на Ордынова. Молодой человек остановился как вкопанный» (1, 268). Катерина также, когда Мурин застал ее при встрече с Ордыновым, неподвижно смотрит на старика, «как будто очарованная» (1, 301). Такие примеры напоминают оцепенение, вызванное «огненными взорами» Вашиадана в повести «Кто же он».

По рассказам Ярослава Ильича и татарского дворника Мурин умеет гадать о будущем. При гадании глаза также играют какую-то загадочную роль. Принимая приезжающих с просьбой погадать о своей судьбе, он «обыкновенно вглядывался в лица, если соглашался быть полезным» (1, 287). Мотивы гадания типичны: предсказание смерти какого-то знаменитого человека, посетившего гадалщика, которое сбывается. Этот эпизод интересен в отношении того, что гипнотизм часто связывается с пророчеством, ясновидением, спиритизмом и другими видами оккультизма.

Если свойства Мурина — это образ гипнотизера, то у Ордынова и Катерины, напротив, есть свойства гипнотизируемого сомнамбулы: сильная впечатлительность и неустойчивость психики.

Можно замечать впечатлительный характер Ордынова в следующем психологическом описании. «Одиночеством ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства...» (1, 270). Его характер, не защищенный от внушения, хорошо изображается во вступительной сцене. Когда Ордынов вышел на улицу после долгого уединения, скучная и пошлая картина города, неожиданно и без всякой причины, возбудила в нем «какое-то тихо-радостное, светлое ощущение» (1, 264). Встреча с Катериной все резче стимулировала его впечатлительность. Вообще можно сказать, что любовь является одним из видов гипноза, но очарование незнакомкой с первого взгляда — это не что иное, как гипнотизирование. Этот процесс достигает высшей степени в конце первой части.

Он чувствовал, что был раздражен и потрясен; он знал, что фантазия и впечатлительность его напряжены до крайности, и решил не доверять себе. Мало-помалу он впал в какое-то оцепенение (1, 288).

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

Ордынوف часто поступает бессознательно, что свидетельствует о неустойчивости его психики. Так, после встречи в церкви «долго и бессознательно бродил он по улицам, по людным и нелюдным переулкам» (1, 270). Подобно мечтателю в «Белых ночах» и Раскольникову, Ордынوف расположен бесцельно ходить по городу. Его неожиданные поступки и странные слова описываются с такими выражениями, как «бессознательно», «как лунатик», «не зная слов своих», «не понимая своего побуждения» и т. д.

Бессознательное побуждение может выражаться в образе демона. У Ордынова появилось намерение убить Мурина, «словно демон его шепнул ему на ухо» (1, 310). В следующей главе сам Мурин объясняет это событие так же, говоря, что «бес уж, знать, вашу милость попутал» (1, 314, 315). Катерина в юности против своей воли высказала оскорбительные слова, так как «вдруг окаянный подсказал» (1, 296).

Частые обмороки и летаргия Ордынова тоже свидетельствуют о затемнении его сознания. Во сне его давит кошмар, а наяву галлюцинация, в конечном счете он никогда не бывает в состоянии и полного сознания и полного сна. А. Бем считает, что половина сюжета происходит не в действительности, а только в расстроенном воображении Ордынова.¹² Такие словосочетания, как «впасть в беспамятство», «впасть в оцепенение», «лишиться чувства» и пр. означают переход «вниз» в глубину сознания, область более фантастическую и гипнотическую, а глаголы «проснуться», «очнуться», «опомниться» и пр. выражают перемещение «вверх» в поверхность сознания, область более реальную и трезвую. В целом повествование имеет вид психологического лабиринта, в котором заблудилась душа Ордынова.

Мурин не всегда оказывает одностороннее влияние на Ордынова и Катерину: иногда, наоборот, последние пользуются силой магнетического взгляда. Три персонажа находятся в психологической борьбе и словно гипнотизируют друг друга. Пример самого напряженного столкновения мы видим во второй главе второй части.

Мурин ослабевает после эпилептического припадка и теряет силу своего взгляда. Ордынوف, в свою очередь, бросает злобный взгляд на старика, а Катерина закрывает его глаза, чтобы защищать Мурина, к которому она испытывает любовь-ненависть.

Гь КОСИНО

— Не смотри! — раздался голос сзади его. Ордынов оглянулся. — Не смотри же, не смотри, говорю, коли бес наущает, пожалей свою любу, — говорила, смеясь, Катерина и вдруг сзади закрыла рукою глаза его; потом тотчас же отняла свои руки и закрылась сама (1, 305).

После недолгого перемирия (сцена тоста), снова начинается борьба взглядов. Мурин в этот раз также теряет сознание, а гипнотическая сила взгляда словно вселяется в Катерину, которая толкает Ордынова убить старика.

Чувство боли прошло по лицу ее; она опять подняла свою голову и посмотрела на него с такою насмешкою, так презрительно-нагло, что он едва устоял на ногах. Потом она указала ему на спящего старика и — как будто вся насмешка его перешла ей в глаза — терзающим, леденящим взглядом опять взглянула на Ордынова. — Что? зарежет небось? — проговорил Ордынов, не помня себя от бешенства. Словно демон его шепнул ему на ухо, что он ее понял... И все сердце его засмеялось на неподвижную мысль Катерины... — Куплю ж я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебе души моей надобно! Небось не зарезать ему!.. Неподвижный смех, мертвивший все существо Ордынова, не сходил с лица Катерины. Неистощимая насмешка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, он облокотился рукою об стену и снял с гвоздя дорогой, старинный нож старика. Как будто в то же время злость и презрение впервые с такой силой отразилось в глазах ее. Ордынову дурно становилось, смотря на нее... Он чувствовал, что как будто кто-то вырывал, подмывал потерявшуюся руку его на безумство... (1, 310).

Это сцена самого гипнотического оттенка, может быть, придает «Хозяйке» слишком мистический характер. В следующей, последней главе повести разговор у Ярослава Ильича, в определенном смысле служит разгадкой события. Здесь «Ордынов сделал напраслину, с диким изумлением оглядев незадолго до того с ног до головы Ярослава

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

Ильича» (1, 315), который считает его больным. Описание взора Ордынова здесь представляет собой пародию на психологическую борьбу взглядов. Благодаря комическим и ироническим элементам эта сцена возвращает повести равновесие между реальностью и фантастикой.

3

В «Хозяйке» Достоевский ни разу не употребляет слово «магнетизм». Но в некоторых произведениях описание взгляда прямым образом связано с термином животного магнетизма. Так, в «Двойнике» «магнетизм начальнических взоров» вводит Голядкина в такое затруднение, что он краснеет и не может говорить (1, 113). Герой «Ползункова», человек униженный, «до того поддавался магнетизму всякого взгляда, на него устремленного, что почти инстинктом угадывал, что его наблюдают, тотчас же оборачивался к своему наблюдателю и с беспокойством анализировал взгляд его» (2, 5). Мотив взгляда, принуждающего оглянуться, напоминает приведенный выше пример из «Черной женщины», но в «Ползункове» отсутствует романтическая и мистическая атмосфера. В этих отрывках же из «Двойника» и «Ползункова» описывается любопытный и пошлый взгляд людей и психология человека, боящегося взгляда; при этом употребление слова «магнетизм» производит комический и сатирический эффект.

У Достоевского часто встречается смешение романтического и реалистического стилей. В «Униженных и оскорбленных» вступительная глава является пародией на Гофмана. Сильное впечатление производит загадочная пара, старик и собака, которые «как-нибудь выкарабкались из какой-нибудь страницы Гофмана, иллюстрированного Гаварни, и разгуливают по белому свету в виде ходячих афишек к изданию» (3, 171). Движение старика делается, «как будто по заведенной пружине» (3, 170), а его спутник ведет себя как «какой-нибудь Мефистофель в собачьем виде» (3, 171). Интересно, что событие происходит в кондитерской, где собираются немцы. Там начинается магнетическая борьба между стариком и немцем Адамом Ивановичем.

Го КОСИНО

чем.

Казалось, оба они, и немец и его противник, хотели пересилить друг друга магнетической силою своих взглядов и выжидали, кто раньше сконфузится и опустит глаза. (...) Сцена становилась очень комической. Но магнетизм вызывающих глазок красненького Адама Ивановича совершенно пропал даром (3, 173).

Равнодушный старик выиграл странную партию, но после неожиданной смерти собаки и он умер, оставив загадку неразгаданной.

Главный персонаж романа Алеша в своем рассказе касается магнетизма. Здесь мастерски изображается характер слабовольного человека, который не умеет говорить складно.

Или во мне магнетизм какой-нибудь сидит, или потому, что я сам очень люблю всех животных, уж не знаю, только любят собаки, да и только! Кстати о магнетизмом я тебе еще не рассказывал, Наташа, мы на днях духов вызывали, я был у одного вызывателя; это ужасно любопытно, Иван Петрович, даже поразило меня. Я Юлия Цезаря вызывал (3, 239).

Нужно заметить, что незащищенный от любого внушения, слабовольный Алеша должен годиться на роль и одержимого медиума в спиритизме и сомнамбулы в гипнотизме.

Роковой треугольник «Мышкин — Настасья — Рогожин» в «Идите» напоминает мотивы «Хозяйки». В частности, и у Рогожина, как и у Мурина, огненные глаза. В начале второй части романа, вернувшись из Москвы в Петербург, Мышкин, идя по улице, чувствует на себе чей-то взгляд и оглядывается. Он инстинктивно угадывает Рогожина в этом взгляде и испытывает страх, но, не в силах убежать, продолжает идти как будто очарованный. Непонятное желание еще раз посмотреть «давешние глаза» толкает его на то место, где ждет Рогожин (8, 192-193).

Отметим, что здесь подсознательное побуждение Мышкина также является в образе демона. «Странный и ужасный демон привязался к

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

нему окончательно и уже не хотел оставлять его более. Этот демон шепнул ему в Летнем саду» (8, 193). Если в «Хозяйке» слово «демон» всегда употребляется в различных фразеологических словосочетаниях при описании состояния героев, то здесь собственно демон становится самостоятельным действующим лицом. Демона в качестве метафоры подсознания мы можем найти во многих произведениях Достоевского вплоть до «Братьев Карамазовых».

В середине XIX века академическая медицина пренебрегает гипнотизмом, обвиняя его в явном мистицизме. В художественной литературе эта тема, перекликаясь с романтизмом, уже не соответствовала духу века. Достоевский очень осторожно принимает мотив гипнотизма. В напряженных сценах в «Хозяйке» и «Идиоте», применяя традиционное описание гипнотизирующего взгляда, Достоевский избегает слова «магнетизм». Однако эффектно использует его в комических ситуациях, что иногда представляет пародию на романтическую литературу. Почему писатель придавал такое значение явлению магнетизма? Потому что гипнотизм является средством постижения глубин психологии человека, на которые были не способны ни материалистическое ни позитивистское учение того времени.

В середине XIX века, согласно доминирующей идее материализма, медики видели причину душевных болезней не в психологических процессах, а в физическом организме человека. Показательно то, что в конце романа «Бесы», врачи не смогли найти признак сумасшествия внутри организма мертвого Ставрогина. Здесь Достоевский, возможно, иронизирует над современной ему медициной.

* Эта статья была прочитана мной на конференциях: The International Conference on Dostoevsky 2000 "The Twenty-first Century through Dostoevsky's Eyes: The Prospect for Humanity" (Chiba University, 22-25 August 2000); XXV Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, 8-11 ноября 2000, Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об истории гипнотизма см.: *Ellenberger H. F. The Discovery of the Unconscious: The*

Го КОСИНО

- History and Evolution of Dynamic Psychiatry. New York, 1970. О его отношении с литературой см.: *Tatar M. M. Spellbound: Studies on Mesmerism and Literature*. Princeton UP, 1978. О его истории в России см.: *Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени*. М., 1989. С. 132-151; *Koshino G. Mesmerism in Russian Literature (in Japanese)* // *Bulletin of the Japanese Association of Russian Scholars*. No.31. Tokyo, 1999. P. 15-29.
2. *Греч Н. И. Черная женщина*. СПб., 1838. Т. 1. С. 108.
 3. *Мельгунов Н. А. Кто же он* // *Русская фантастическая проза эпохи романтизма*. Л., 1990. С. 247-248.
 4. *Одоевский В. Ф. Косморама* // *Русская фантастическая проза эпохи романтизма*. С. 312.
 5. *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты*. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 474.
 6. *Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском* // *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1990. С. 239.
 7. *Gibian G. C. G. Carus. Psyche and Dostoevsky* // *The American Slavonic and East European Review*. Vol. 14. 1955. P. 371-382; *Rice J. L. Dostevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History*. Ann Arbor, 1988. P. 133-146.
 8. *Врангель А. Е. Из «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири»* // *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1990. С. 352.
 9. *Gibian G. C. G. Carus. Psyche and Dostoevsky*. P. 382.
 10. Примеры употребления этих слов были собраны мной по данным, опубликованным проф. В. Н. Захаровым (Петрозаводск) в «Конкордансах всех произведений Ф. М. Достоевского» на Интернетe (<http://www.karelia.ru/~Dostoevsky/dostconc/>).
 11. Далее ссылки на произведения Достоевского даются по изданию: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990*. Т. 1-30 (арабскими цифрами указываются том и страница).
 12. *Бем А. Л. Достоевский: психоаналитические этюды*. Берлин, 1938. С. 83-99; *Бем А. Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского)* // *О Достоевском I*. Прага, 1929. С. 81-93.

ДОСТОЕВСКИЙ И ГИПНОТИЗМ

ABSTRACT

Dostoevsky and Hypnotism

Go KOSHINO

(Hokkaido University)

The startling reality of psychological description in Dostoevsky's novels is well-known and some scholars show that he was familiar with contemporary psychiatry. It's necessary for the study of his psychological novels to turn our attention to the pre-freudian medical history of the mental healing, including hypnotism. In the 18th century Austrian physician F. A. Mesmer started a new psychotherapy called animal magnetism, the term later replaced by hypnotism in mid-19th century. The theory of animal magnetism had a great influence on the Romantic authors such as E. T. A. Hoffmann, Balzac and V. Odoevsky. They were interested in the mental subjection of those hypnotized to those hypnotizing and strange unconscious behavior of patients under hypnosis.

Both Romantic novelists and contemporary psychiatric authors like C. C. Carus gave impetus to Dostoevsky's creative work. From this point of view I studied mainly his early novel *The Landlady* (*Khoziaika*, 1847).

1. In *The Landlady* the main plot was composed of psychological battles among three characters, Ordynov, Murin and Katerina. In this war the gazing eyes play an important role, particularly for Murin. For hypnotists since Mesmer, this has been a common way to administer suggestion. The vocabulary concerning the image of the eye is also within the range of our study.

2. Some elements of Ordynov's nature such as impressionability, excitability and hallucination are typical for the person susceptible to hypnosis. He often shows strange sudden behavior unconsciously, not understanding what he's doing. His mentality became unbalanced gradually by receiving psychological suggestion from Murin and Katerina. But it's interesting that their subjective relationship is not static and one-way, but more dynamic and can work both ways.

3. Academic medicine ignored hypnotism for a long time, treating it as subject to occultism. Dostoevsky was deeply interested in hypnotism, but at a distance from hypnotism, which opened a complex human psychology. In one scene near

ГЪ КОСИНО

to the end Ordynov's extraordinary gazing became an object of ridicule, which was an ironical self-parody to the occult atmosphere of this novel.